

**ВОЙНА ВО ВРЕМЯ МИРА:
 ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ
 ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. 1917–1923:
 Сб. статей / Под ред. Герварт Р., Хорн Д. – М.:
 Новое литературное обозрение, 2014. – 400 С. –
 (Серия: *Historia Rossica / Studia Europaea*). (Реферат)**

В сборнике статей, ставшем одним из результатов совместного проекта Германского исторического института в Москве и издательства «Новое литературное обозрение», показано, что Первая мировая война, «пракатастрофа» XX в., получила свое продолжение в череде революций, гражданских войн и кровавых пограничных конфликтов, которые утихли лишь в 1920-х годах. Происходило это не только в России, в Восточной и Центральной Европе, но также в Ирландии, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Эти практически забытые сражения стоили жизни миллионам. «Война во время мира» и является предметом сборника. Большое место в нем отводится Гражданской войне в России и ее воздействию на другие регионы. Эйфория революции или страх большевизма, борьба за территории и границы или обманутые ожидания от наступившего мира – все это подвигало массы недовольных к участию в военизированных формированиях, приводя к радикализации политической культуры и огрубению общественной жизни.

Сборник состоит из введения «Военизированные конфликты в Европе после Первой мировой войны: Введение»), написанного Р. Гервартом и Дж. Хорном, и двух разделов («Революция и контрреволюция»; «Нации, границы и этническое насилие»), которые соответственно включают шесть и семь статей. Первый раздел содержит работы У.Г. Розенберга «Революция и контрреволюция: Синдром насилия в Гражданских войнах России (1918–1920)»; Р. Герварта и Дж. Хорна «Большевизм как фантазия: Страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923)»; Р. Герварта «Борьба с красной бестией: Контрреволюционное насилие в побежденных странах Центральной Европы»; П. Хаапала и М. Тикка «Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918)»; Э. Джентиле

«Военизированное насилие в Италии: Обоснование фашизма и истоки тоталитаризма»; Н. Катцера «Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе». Второй раздел – С. Екельчика «Банды строителей нации? Роль повстанчества и идеологии в Гражданской войне на Украине»; Т. Балкелиса «Граждане становятся солдатами: Военизированные движения в Прибалтике после Первой мировой войны»; Дж.П. Ньюмена «Истоки, атрибуты и наследие военизированного насилия на Балканах»; У.У. Унгора «Военизированное насилие в Османской империи накануне ее краха»; Ю. Айхенберга «Из солдат – в штатские, из штатских – в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны»; Э. Долана «Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость»; Дж. Хорна «Защитить победу: Военизированная политика во Франции, 1918–1926. Контрпример».

Настоящая книга представляет собой попытку исследовать происхождение, проявления и наследие военизированного насилия в том виде, в каком оно существовало в 1917–1923 гг. Под военизированным насилием авторы имеют в виду «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур. Порой это происходило в вакууме, оставшемся после краха государственности, в других случаях военизированное насилие приходило на помощь государственной власти, однако имелись и примеры его противодействия государству. Оно включало в себя революционное и контрреволюционное насилие, совершавшееся во имя светских идеологий, а также этническое насилие, связанное с основанием новых национальных государств или с сопротивлением этому процессу со стороны национальных меньшинств. Военизированное насилие существовало параллельно с другими видами насилия, такими как социальные протестные движения, повстанчество, терроризм, полицейские репрессии, криминальное насилие и боевые действия традиционного типа» [с. 8–9].

Военизированное насилие получило двойное значение – в качестве силы, повлиявшей на исход военных конфликтов, а также в качестве нового источника политической власти и государственной организации. Военизированное насилие приобретало наряду с военно-оперативным также политическое и символическое влияние. Целью книги «является переосмысление одного из наиболее важных путей из числа тех, что вели от военного насилия к относительному спокойствию второй половины 1920-х годов» [с. 10]. Ее авторы стремятся понять, как немецкие, австрийские и венгерские ветераны и представители так называемого «молодого военного поколения» осуществляли болезненный переход от войны к миру, а также каким образом поиски послевоенного проекта, который бы оправдал жертвы военного времени, выливались в попытки «очистить нацию» от

социальных элементов, считавшихся препятствием к «национальному возрождению»» [с. 84].

Историю военизированного насилия после Первой мировой войны следует изучать сквозь призму более масштабных событий – революций, краха империй и этнических конфликтов, которые, в свою очередь, определяют структуру данной книги. Авторы полагают, что «невозможно разобратся в сущности кровавых конфликтов послевоенного периода, не принимая во внимание русской революции, последовавшей за ней Гражданской войны и ее влияния на Европу. С русской революцией было связано контрреволюционное движение, зародившееся как ответ на поражение в Первой мировой войне и радикализацию левых сил на большей части Центральной Европы, а также в Италии» [с. 16]. Между двумя этими явлениями находилось преимущественно этническое военизированное насилие, порожденное борьбой за создание (и против создания) новых национальных государств и границ в Центральной и Восточной Европе, сопоставимые условия существовали и на Западе континента. Наконец, непрерывность хронологических рамок 1918–1923 гг. и подтверждается, и вновь актуализируется при рассмотрении роли военизированного насилия в фашистской Италии, где оно не только привело в 1923 г. соответствующее движение к власти, но и имело долгосрочные последствия, выразившиеся в характере фашистского государства. Франция дает пример обратного рода: ограниченные проявления военизированного насилия в этой стране *после* 1923 г. позволяют получить представление о некоторых причинах, по которым феномен военизированного насилия затронул многие, но отнюдь не все регионы послевоенной Европы.

Ключевым моментом, определявшим роль военизированного насилия в России, являлось то, что крах царского режима по сути означал крах идеологий, наделявших легитимностью Российское государство, и его социально-политических институтов. При отсутствии каких-либо институциональных основ для легитимности, помимо зачастую неструктурированных процессов народных выборов, само понятие легитимности очень быстро стало увязываться не с традиционными взглядами и представлениями, а с вопросом об эффективности и функциональности. Изначально популярные лидеры Советов и члены Временного правительства утратили свою легитимность, не сумев обуздать происходившее в течение 1917 г. ухудшение экономических и социальных условий, и общество ставило на их место все более радикальные фигуры в тщетной надежде на то, что те добьются большего успеха. Кроме того, сейчас становится ясно, что если большевики пришли к власти, основывая ее «легитимность» на радикально идеологизированной концепции всеобщего и неизбежного исторического процесса, «объяснявшей» нужду и лишения, то первоначальная прочность их режима во многом основывалась не просто на силе, а на *обещании* ис-

полнения взятых на себя функций. Когда же Ленин и его партия при решении этих принципиальных проблем вполне предсказуемо добились еще меньшего успеха, чем их предшественники, они еще настойчивее – и в буквальном, и в символическом смысле – стали выдвигать идеологические претензии в попытке легитимизировать свои «большие батальоны» [с. 60].

Если вернуться к определению Р. Герварта и Д. Хорна, понимающих под военизированными такие «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур», то нам придется признать, что Гражданская война на территории бывшей царской России повсеместно включала параллельную активность как военизированных, так и традиционных военных формирований, между которыми зачастую не имелось четкой разницы [с. 61]

Русские революционеры создавали различные формирования, действовавшие наряду с Красной армией, – от красногвардейцев, сыгравших свою роль при свержении Временного правительства, до вооруженных отрядов, насаждавших «военный коммунизм» на селе и участвовавших в Гражданской войне. Однако отнюдь не военизированное насилие легитимировало новый режим. В соответствии с большевистским пониманием марксистской теории и с практикой ленинизма источником власти и организации в новом государстве являлась партия, и партия же (а не армия) обеспечивала наиболее важные формы внесудебного насилия, такие как ЧК и революционный террор. И напротив, белые русские армии после свержения царизма практически не имели иной опоры, кроме военной силы, особенно с учетом разнообразия политических течений в их рядах. В некоторых частях России Белое движение было в основном представлено частными армиями и иррегулярными силами, такими как войска атамана Семенова и барона фон Унгерна-Штернберга, действовавшими в Центральной Азии. «Зеленые» и анархисты, играя свою собственную роль в Гражданской войне, также опирались на всевозможные вооруженные группировки, свободные от какого-либо государственного контроля [с. 18].

Нужда как основа военизированного насилия в революционной России коренилась в проблемах производства и распределения, отражавших в себе почти все аспекты российской политики после 1914 г. и контекстуализовавших все возможные последствия краха царского режима. Хроническая нехватка любых товаров первой необходимости, сотрясавшая экономику страны задолго до февраля 1917 г., приняла особенно катастрофические формы в 1918–1922 гг.

Едва ли удивительно то, что Октябрьская революция повлекла за собой радикальное расширение методов управления, реквизиций и варварских конфискаций, ставших как формальными, так и неформальными способами обуздать российскую социальную и политическую экономию нуж-

ды и скудости. В то время как расширение размаха «формальных» боевых действий между красными, белыми, «зелеными» и прочими силами вело к экспоненциальной эскалации насилия, его корни все равно скрывались в антагонистических и репрессивных потребностях индивидуумов и коллективов, боровшихся за выживание.

При наличии более 30 всевозможных правительств, в 1918–1921 гг. претендовавших на право контроля за различными частями бывшей Российской империи, всякое насилие тесно соседствовало с той или иной организованной политической структурой и амбициями. Пусть известные формы красного и белого террора задавались главными претендентами на власть, но и силы менее значительных претендентов – например, Нестора Махно на Украине или Александра Антонова на Тамбовщине – действовали в том же духе, что и формальные армии.

Вместе с тем сопоставимые формы насилия повсеместно наблюдались в регионах, в тот период формально не находившихся под контролем красных или белых или не связанных каким-либо иным образом с более или менее традиционными вооруженными силами и формальными политическими претензиями. Ключевое влияние на степень и природу этого насилия также оказывали расстройство управления и материальные и эмоциональные лишения. «Определяющую роль в данном случае, по видимому, все же играло ожесточение социальных отношений, вызванное самой революцией, поскольку наибольшее распространение имело взаимное и локализованное насилие с участием простых людей, необязательно осуществлявшееся во имя той или иной высшей цели» [с. 56].

Хаотичные события 1917–1920 гг. на Украине в первую очередь «следует понимать не как борьбу объединенного украинского народа за независимость, а как хитросплетение сложных идеологических конфликтов и местного насилия, сопровождавшее крах старых династических империй. Будучи одновременно и националистическим движением, и социалистической революцией, Гражданская война на Украине не подразумевала однозначного противостояния социалистов и националистов – которые зачастую были одними и теми же людьми, однако она включала запутанную борьбу между украинскими патриотами различных оттенков, а также между многочисленными разновидностями местных консерваторов и социалистов, вступавших в ряды российских Красной и Белой армий, в украинские республиканские или монархические отряды или в банды, возглавлявшиеся местными атаманами» [с. 195–196]. Ключевым фактором в украинской Гражданской войне «являлось влияние местных атаманов» [с. 219].

Возможно, в большей степени с военизированным насилием Гражданской войны была связана подпольная Организация украинских националистов (ОУН), действовавшая в западных украинских областях, входивших в состав Польши. Членами ОУН по большей части были ветераны

Первой мировой войны, обычно также являвшиеся ветеранами войны украинско-польской и нередко участниками борьбы с большевиками в Центральной Украине. Сходство ОУН с прочими правыми военизированными организациями межвоенной Европы подчеркивалось свойственными этой организации культурой поражения, вирулентным национализмом и готовностью к применению силы [с. 219–220].

Хотя Гражданская война в России служила предлогом и примером для военизированных движений во многих других частях послевоенного мира, нигде больше никакие разновидности насилия не были так тесно связаны с почти всеобщими лишениями и нуждой, а также с тем ожесточением, которое в течение столь долгого времени насквозь пронизывало гражданскую и политическую жизнь и культуру [с. 62].

Многие европейцы после 1917 г. опасались, что большевистская «зараза» проникнет в 1919–1920 гг. в остальные страны Европы, и эти страхи подталкивали к мобилизации военизированных сил против предполагаемой угрозы. Конкретная роль антибольшевистской мифологии зависела от политического окружения, которое, в свою очередь, задавалось принципиальным различием между победителями и побежденными, сложившимся после Первой мировой войны. Когда британская делегация на Парижской мирной конференции в конце марта 1919 г. изменила свою позицию по отношению к Германии и начала призывать французов к большей умеренности, Ллойд Джордж обосновывал такой поворот заявлениями о том, что Германия должна стать оплотом против большевизма.

Однако еще до того, как участники Парижской мирной конференции окончательно определились с новым начертанием европейских границ, ветераны войны путем военного и военизированного насилия пытались по всей Центральной Европе создать новые территориальные реалии, которые, по их представлениям, не смогли бы игнорировать парижские миротворцы [с. 88].

Распространению военизированного насилия в первые шесть лет после завершения Первой мировой войны способствовала «культура поражения», выявленная в качестве объекта исследования лишь в недавние годы. Попытки предотвратить наихудшие последствия военного поражения в Германии и Австро-Венгрии, а также стремление националистических кругов в Италии аннулировать реальное или мнимое дипломатическое поражение приводили к самоорганизации возвращавшихся с фронта офицеров и солдат, а также молодых авантюристов, не участвовавших в войне, в группировки, подменявшие собой армию. Считалось, что регулярная армия утратила способность защищать нацию и устоявшийся строй как внутри страны, в ходе классовой борьбы с радикальными и революционными движениями, вспыхивавшими после окончания войны (и скопом причислявшимися к большевизму), так и на спорных этнических рубежах

новых государств, формировавшихся во время и после Парижской мирной конференции. В Финляндии и Прибалтийских республиках, в Центральной Европе, в Северной и Центральной Италии – повсюду возникали всевозможные легионы, милиции, фрайкоры и прочие вооруженные группировки, использовавшие идеологию и опыт Первой мировой войны, а также оставшиеся от нее оружие и подготовку с целью противодействовать тому, что воспринималось как социальное или национальное поражение, и обратить его вспять. Они защищали свое дело с точки зрения идеологии и этнической принадлежности, но источником их влияния служило насилие – использование квазие военных формирований как лекарства от хаоса. Более того, в Италии, где зарождалось фашистское движение, военизированное насилие превратилось в организационный принцип при разработке проекта авторитарного государства и его воплощении в жизнь.

По большей части фантастические страхи перед большевиками, злоеущие фантазии о наступающих со всех сторон нигилистических силах беспорядка вдохновляли консервативную и контрреволюционную политику по всей Европе, принимавшую, однако, разное выражение. Там, где победа в Первой мировой войне укрепила государство и его институты, антибольшевистская мифология была призвана также стабилизировать существовавшую систему путем сплочения тех, кто был готов защищать ее от «распада». Наоборот, в побежденных странах антибольшевизм помогал объяснить, почему была проиграна война, рухнули старые режимы и на большей части Восточной и Центральной Европы воцарился хаос. Антибольшевизм – обычно в сочетании с антисемитизмом – придал военизированным движениям направление и цель; он способствовал выявлению призрачного врага, отталкиваясь от давней неприязни к городской бедноте, евреям и вообще беспорядку [с. 79]. Таким образом, конкретная роль антибольшевизма варьировалась в зависимости от региона и политического контекста. Антибольшевизм принимал наиболее кровавые формы в Центральной и Восточной Европе сперва в 1918–1923 гг., а затем, проявившись еще более драматическим образом, – в 1930-х годах и во время Второй мировой войны. Его западноевропейский вариант, носивший менее воинственный характер, в то же время оказался более устойчивым и долговечным, вновь встав под знамена антисоветской пропаганды в период с 1945 г. до завершения холодной войны [с. 80].

Послевоенный проект «очистки» нации от ее внутренних врагов рассматривался большинством активистов военизированного движения как необходимая предпосылка для «национального возрождения», своего рода насильственная регенерация, способная оправдать военные жертвы, невзирая на поражение и революцию. В некотором смысле эта абстрактная надежда на «возрождение» нации из руин империи была единственным

фактором, объединявшим крайне разнородные военизированные группировки в Германии, Австрии и Венгрии [с. 98].

Пробными камнями для военизированных движений повсюду в регионе становились антибольшевизм, антисемитизм и антиславизм, нередко сливавшиеся в единый враждебный образ «еврейско-славянского большевизма». В отличие от Первой мировой войны, теперь насилие в первую очередь было направлено против гражданских лиц, точнее – против тех, в ком подозревали «врагов сообщества», которых следовало тем или иным образом «устранить», прежде чем на руинах, оставленных поражением и революцией, могло вырасти новое утопическое общество [с. 107]. В некоторых частях Центральной и Восточной Европы классовая политика в контексте военного поражения и распада прежней политической власти привела к контрреволюционной мобилизации, в которой сыграли важную роль такие военизированные организации, как «Фрайкор», Белая гвардия и «Хеймвер». Политическая логика подобных группировок отличалась двойственностью: противодействие большевизму (и «красным» вообще) как реальному или воображаемому противнику сочеталось в ней с наделением новой легитимностью контрреволюционного дела, а в конечном счете – и государств, которые могли быть созданы на его основе. Во многих случаях это идеологическое насилие придавало особую остроту этническим и национальным конфликтам (в Балтийских государствах и в Силезии), отводя военизированному насилию ключевую роль по сравнению с другими формами насилия [с. 22]. Слияние военизированных структур со спонтанными вооруженными движениями сопротивления являлось типичной, если не уникальной, чертой прибалтийских военизированных движений [с. 246]. Идеология прибалтийских военизированных движений была бы немыслима без стереотипных негативных образов «большевика», «немца» или «поляка» [с. 247]. Различные националистические и контрреволюционные течения противостояли друг другу и большевистскому революционному проекту, и все они претендовали на те или иные части данного региона с целью установления на них «нового строя» [с. 221].

Гражданская война в Финляндии унесла более 36 тыс. жизней за шесть месяцев. Наряду с гражданскими войнами в Испании и России, финская Гражданская война в смысле числа жертв стала одним из наиболее смертоносных внутренних конфликтов в Европе XX в. [с. 109]. Финский пример демонстрирует, что «брутализация» политики в межвоенной Европе не зависела от участия в Первой мировой войне и что для возникновения идеологически мотивированных военизированных движений нового типа отнюдь не требовалось наличия «ожесточившихся» бывших военнослужащих [с. 126]. Катастрофическое наследие, отягощавшее центрально-европейскую историю, было оставлено не самой войной, а послевоенным опытом поражения, революции и территориальных потерь [с. 82].

Италия была единственной из стран-победительниц, претерпевшей «брутализацию политики» – в первую очередь благодаря применению военизированного насилия. В этом отношении события в Италии сопоставимы с тем, что происходило в Германии и странах Восточной Европы, – с той лишь разницей, что в случае Италии система, подвергшаяся «брутализации», являлась либеральной и с начала века находилась в процессе перехода к демократии [с. 130]. Военизированная организация, созданная специально в целях политического насилия, отличала фашистское движение с первых дней его существования [с. 133].

В Европе после 1917 г. национальные проекты нередко переплетались с социальными движениями, а в некоторых частях Восточной Европы национальные претензии шли рука об руку с земельными требованиями, вследствие чего в послевоенные годы в качестве мощной радикальной силы заявил о себе крестьянский национализм, в первую очередь в Болгарии, Западной Украине и Балтийских государствах (но не в Ирландии, где британцы уступили землю фермерам-арендаторам). Кроме того, рабочие и социалистические движения были не только интернационалистическими; напротив, нередко они принимали «национальную» форму. Борьба за создание или защиту нации включала разнообразные виды насилия. Этнические и национальные притязания преобладали в зонах дробления на территории Османской и Российской империй (а также в Ирландии), хотя ту или иную роль играли также большевизм и антибольшевистская контрреволюция.

Необходимость очистить сообщества от «чужеродных» элементов и искоренить тех, кто вредил благополучию сообщества, также носила практический характер и требовала применения насилия, что ярко иллюстрируют десятилетия после 1917 г.

Межобщинное насилие между враждебными этническими и религиозными группами (поляки и немцы в Силезии, унионисты и националисты в Северной Ирландии, мусульмане и христиане в Турецкой Республике) было не менее важным источником военизированного противостояния, поскольку каждая из сторон прибегала к сочетанию милиции и террористических отрядов при захвате или защите «национальных» земель.

В тех случаях, когда национальные чаяния оставались под угрозой или не были удовлетворены в долгосрочном плане, сохранялся потенциал для военизированного насилия (например, в виде террора), призванного воспрепятствовать революционному или демократическому самоутверждению и выдвинуть более долговечные претензии, оправдывавшие борьбу во имя нации. Именно такую роль играла ИРА [с. 26].

К концу 1923 г. военизированное насилие в целом ушло из европейской политики. Европа вступила в период хрупкой политической и экономической стабильности, продолжавшийся до Великой депрессии.

Однако и в 1917–1923 гг. некоторые регионы Европы практически не знали внутреннего вооруженного насилия. По большому счету речь идет о территориях держав-победительниц, для которых территориальная целостность, власть государства, мощь и престиж армии лишь укрепились: Великобритании, Франции, Бельгии [с. 28]. Стабильные демократии Западной Европы выделялись практически полным отсутствием военизированного насилия во внутренней политике в послевоенный период. Великобритания и Франция в ноябре 1918 г. стали «победителями». Их политическая система успешно справилась с тяготами военного времени, и даже достаточно серьезный послевоенный социальный конфликт не стал принципиальной угрозой для существующего порядка. За таким важным исключением, как война за независимость в Ирландии, их географическая целостность не подвергалась опасности [с. 349]. В послевоенный период насилие сохраняло во Франции ограниченный характер – по крайней мере по сравнению с большей частью Центральной, Южной и Восточной Европы. Военизированное насилие как раз и является одним из тех симптомов, которые помогают выяснить, где и почему действительно наблюдалась брутализация послевоенной политики [с. 374].

При этом военизированное насилие оставалось ключевой чертой межвоенной европейской политической культуры, включая в себя такие разные движения, как германские штурмовики, итальянские «чернорубашечники», легионеры румынской «Железной гвардии», венгерские салашисты, хорватские усташи, Рексистское движение Леона Дегреля в Бельгии и движение «Огненные кресты» во Франции (основанное в конце 1920-х годов). В то время как мощный импульс многим из этих движений дали последующие события, и в первую очередь Великая депрессия, своими корнями они зачастую восходили к потрясениям непосредственно послевоенного периода.

Рассматриваемый период надолго оставил после себя и такое наследие, как идея о необходимости избавить сообщество от чуждых элементов ради создания нового утопического строя, ликвидировать всех тех, кто якобы ставил под удар благоденствие сообщества. Методы, при помощи которых эти идеи чисток претворялись в жизнь военизированными движениями, во многом зависели от контекста, в котором те действовали, но в первую очередь – от кризисов государственной власти и обострения межобщинных взаимоотношений в условиях военных конфликтов и экономических изменений.

В.М. Шевырин